

Генеральная Ассамблея

Distr.: General
2 April 2001
Russian
Original: English

Комиссия международного права**Пятьдесят третья сессия**

Женева, 23 апреля — 1 июня и

2 июля — 10 августа 2001 года

**Четвертый доклад об ответственности государств,
подготовленный Специальным докладчиком
г-ном Джеймсом Кроуфордом**

Содержание

	<i>Пункты</i>	<i>Стр.</i>
I. Введение	1–4	2
II. Оставшиеся общие вопросы	5–26	3
А. Урегулирование споров, касающихся ответственности государств	7–20	4
В. Форма проектов статей	21–26	9
III. Ссылка на ответственность: «ущерб», «вред» и «потерпевшее государство»	27–42	11
IV. «Серьезные нарушения обязательств перед международным сообществом в целом»: Часть вторая, глава III	43–53	19
V. Контрмеры: Часть вторая бис, глава II	54–76	24
Приложение. Конкретные поправки к проектам статей с учетом полученных комментариев (см. A/CN.4/517/Add.1)		

I. Введение¹

1. На пятьдесят второй сессии Комиссии в 2000 году Редакционный комитет принял в предварительном порядке во втором чтении полный текст проектов статей, содержащих материально-правовые нормы². Статьи еще не обсуждались на пленарном заседании, однако они были включены в качестве предварительного текста в доклад Комиссии о работе ее пятьдесят второй сессии³. Это было сделано для того, чтобы дать еще одну возможность для представления комментариев. Существо текста, принятого Редакционным комитетом, обсуждалось в Шестом комитете⁴, и ему были посвящены новые письменные комментарии ряда правительств⁵, а также научно-исследовательской группы Ассоциации международного права⁶.

2. Комментарии, представленные до настоящего времени правительства относительно предварительного текста, дают основания полагать, что, в целом, его основная структура и большинство отдельных положений являются приемлемыми. Это касается многих статей, которые были впервые предложены и приняты в 2000 году. Например, широкую поддержку получило различие между вторичными обязательствами несущего ответственность государства (Часть вторая) и правом других государств ссылаться на ответственность (Часть вторая бис). Подобным образом, общую поддержку в принципе получило различие между «потерпевшими государствами» (статья 43) и иными государствами, которые обладают правовым интересом в отношении соблюдения нарушенного обязательства (статья 49), несмотря на то, что формулировки статей нуждаются в дальнейшем рассмотрении. Это же можно сказать и в отношении статей,

¹ Специальный докладчик вновь желает поблагодарить научного сотрудника Научно-исследовательского центра международного права г-на Пьера Бодо; преподавателя технологического университета Куинсленд; г-жу Жаклин Пил; г-на Кристиана Темпса, Колледж Гонвиля и Каиуса, Кэмбридж; и Фонд «Леверхульм» за его щедрую финансовую поддержку.

² См. A/CN.4/L.600, а также заявление председателя Редакционного комитета г-на Джорджо Гая, см. A/CN.4/SR.2662. В настоящем докладе проекты статей приводятся в нумерации статей, принятых в предварительном порядке в 2000 году. Номера проектов статей, принятых в первом чтении, будут приводиться в квадратных скобках.

³ *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят пятая сессия, Дополнение № 10 (A/55/10), глава IV, добавление.*

⁴ См. тематическое резюме обсуждений, состоявшихся в Шестом комитете в ходе пятьдесят четвертой сессии Генеральной Ассамблеи, подготовленное Секретариатом (A/CN.4/513, раздел A).

⁵ См. «Ответственность государств: комментарии и замечания, полученные от правительств» (A/CN.4/515 и Add.1). Ссылки в настоящем докладе на «Комментарии и замечания...» являются выдержками из письменных комментариев правительств по соответствующей статье.

⁶ Первый доклад научно-исследовательской группы был представлен 8 июня 2000 года: текст см. www.ila-hq.org. В ее состав входят Питер Маланчук (Нидерланды, председатель и организатор), Коораш Амели (Исламская Республика Иран), Дейвид Кэрон (Соединенные Штаты), Пьер-Мари Дюпюи (Франция), Малгосия Фитцморис (Соединенное Королевство), Вера Гоулланд-Деббас (Швейцария), Вернер Менг (Германия), Шиния Мурасе (Япония), Марина Спинеди (Италия), Гуидо Суарис (Бразилия), Чжаоцзи Ли (Китай) и Тияндана Малува (Малави).

которые были исключены из принятого в первом чтении текста⁷: прозвучали несколько голосов в пользу их повторного включения, причем это касалось даже статьи [19]⁸. В общем обсуждения были нацелены на несколько оставшихся проблем, особенно главы, касающиеся «серьезных нарушений» (Часть вторая, глава III) и контрмер (Часть вторая бис, глава II).

3. Многие из представленных комментариев касаются вопросов по существу редакционного характера. Было бы целесообразным, чтобы их рассмотрел Редакционный комитет во время его работы над текстом в целом. В приложении к настоящему докладу содержатся различные предложения редакционного характера с короткими комментариями к ним. Сам доклад будет нацелен лишь на вопросы существа, которые еще не решены. В их число, как представляется, входят следующие вопросы:

- определение «ущерба» и «вреда» и его роль в статьях в сочетании со статьями 43 и 49, в которых предусматривается право государств ссылаться на ответственность;
- сохранение Части второй, глава III, и ее возможные изменения;
- вопрос о том, следует ли сохранить отдельную главу, касающуюся контрмер или о возможной достаточности расширения положений о контрмерах в контексте статьи 23; если Часть вторая бис, глава II, будет сохранена, то какие изменения необходимо внести в три спорные статьи (статьи 51, 53 и 54).

4. Как явствует из приложения, несколько комментариев касаются не самих статей, а необходимости их доработки или разъяснения в комментариях. Комментарии, принятые в первом чтении, не являются последовательными ни с точки зрения их стиля, ни содержания. Комментарии в отношении Части первой являются обширными. В них содержатся подробные материально-правовые аргументы и приводится много как судебных, так и иных источников в поддержку занятой позиции. Комментарии в отношении Части второй короче и больше являются комментариями в отношении формулировок и целей конкретных положений. Специальный докладчик подготовил комментарии, которые представляют собой своего рода компромисс между этими двумя стилями: более существенные и подробные, чем комментарии в отношении бывшей Части второй, менее дискуссионные и доктринальные, чем комментарии в отношении бывшей Части первой. Комиссии предстоит решить вопрос о том, был ли достигнут надлежащий баланс.

II. Оставшиеся общие вопросы

5. Необходимо начать с двух общих вопросов. Во-первых, это вопрос об урегулировании споров, которому посвящена Часть третья проектов статей, принятых в первом чтении, и, во-вторых, вопрос о форме проектов статей⁹. Что

⁷ Следующие принятые в первом чтении статьи были вообще исключены или не имеют прямого эквивалента в тексте, принятом во втором чтении: статьи [2], [11], [13], [18(3)–(5)], [19], [20], [21], [26] и [51].

⁸ См. Тематическое резюме... (A/CN.4/513), пункты 89–91.

⁹ Причины, по которым эти вопросы пока отложены, разъясняются в третьем докладе Специального докладчика, A/CN.4/507, пункт 6.

касается первого вопроса, то до настоящего времени Комиссия воздерживалась от предложения включения процедур об урегулировании споров в окончательный текст статей¹⁰. Однако она уже отошла от этой практики в Части третьей, которая в свою очередь стала предметом значительного числа комментариев правительств. Что касается второго вопроса, то практика Комиссии заключалась в вынесении рекомендаций Генеральной Ассамблеи по вопросу о форме, и есть все основания для того, чтобы поступить таким образом и в данном случае.

6. Разумеется, что эти два вопроса связаны между собой. Только в том случае, если проекты статей будут облечены в форму международной конвенции, имеет смысл включать положения о третейском разбирательстве споров. Вместе с тем есть смысл рассмотреть вопрос об урегулировании споров сам по себе до рассмотрения вопроса о форме.

A. Урегулирование споров, касающихся ответственности государств

Система, предусмотренная в Части третьей и принятая в первом чтении

7. Принятые в первом чтении проекты статей содержат довольно обширные положения об урегулировании споров.

8. Если говорить конкретно о контрмерах, то статья [48](2) увязывает принятие контрмер с обязательными процедурами урегулирования споров. Если в отношениях между сторонами не действуют никакие такие процедуры, применяются процедуры, предусмотренные в Части третьей. Влияние этой связи заключается в том, что государство, которое является объектом контрмер, может обратиться в арбитражном трибунале к государству, обращающемуся к контрмерам, с требованием обосновать свои действия.

9. Если говорить в более общем плане, то в Части третьей речь идет об урегулировании споров, «касающихся толкования или применения настоящих статей». Стороны такого спора сначала по просьбе пытаются урегулировать его посредством переговоров (статья [54]). Другие государства-участники могут предлагать свои добрые услуги или посреднические услуги в целях урегулирования спора (статья [55]). Если спор не урегулирован в течение трех месяцев, любая сторона в споре может вынести его для достижения примирения в соответствии с процедурой, изложенной в приложении I (статья [56]). Задачи Согласительной комиссии заключаются не в решении спора, а в «прояснении спорных вопросов... путем проведения расследования или иными способами и содействия тому, чтобы стороны в споре пришли к урегулированию» (статья [57](1)). Если стороны не достигли согласия относительно урегулирования, то все, что может сделать Согласительная комиссия, — это подготовка окончательного доклада с изложением «своей собственной оценки спора и своих рекомендаций по урегулированию» (статья [57](4)). В проектах статей также предусмотрено факультативное арбитражное разбирательство согласно приложению II либо вместо или после

¹⁰ Например, в статьях о праве международных договоров отсутствуют положения об обязательном третейском разбирательстве споров, касающихся статьи 53 (*jus cogens*); статья 66 была добавлена на Венской конференции.

процедуры примирения (статья 58(1)). В случае арбитражного разбирательства согласно статье [58] Международный Суд наделен юрисдикцией подтверждать или отменять арбитражное решение (статья [60]).

10. Однако единственной формой принудительного и обязательного третейского разрешения споров, предусмотренной Частью третьей, является арбитраж по просьбе любого государства, против которого были приняты контрмеры (статья [58](2)). Это положение было проанализировано во втором докладе Специального докладчика¹¹. Важным моментом является то, что статья [58](2) ставит в более выгодное положение государство, которое совершило международно-противоправное деяние. По определению, это государство в качестве объекта контрмер должно было совершить международно-противоправное деяние: суть контрмер состоит в том, что они принимаются в ответ на такое деяние. Таким образом, статья [58](2) наделяет односторонним правом прибегать к арбитражу не потерпевшее государство, а государство, которое несет ответственность. Такое неравенство между двумя соответствующими государствами не может быть оправдано в принципе и даже может дать потерпевшему государству стимул принимать контрмеры, с тем чтобы заставить несущее ответственность государство прибегнуть к арбитражу. Комиссия в общем поддержала это критическое замечание, хотя многие члены по-прежнему подчеркивают важность мирного третейского разрешения споров в качестве альтернативы принятию контрмер¹². По итогам обсуждения в Комиссии в 1999 году были сделаны два следующих вывода: во-первых, вывод о том, что особая форма возбуждения арбитражного разбирательства в одностороннем порядке, предложенная в статье [58](2), влечет за собой серьезные проблемы и, во-вторых, вывод о том, что желательность обязательного разрешения споров должна рассматриваться как в отношении потерпевшего государства, так и государства, которое, как утверждается, несет ответственность.

11. Как до, так и после 1999 года большинство правительств в своих комментариях высказывалось против увязки контрмер с обязательным урегулированием споров¹³.

Специальное положение об урегулировании споров в проектах статей?

12. Поскольку положение об обязательном разрешении споров может быть включено лишь в договор, то для целей обсуждения необходимо исходить из посылки о том, что проекты статей будут облечены в форму договора. В действительности, в Части третьей это четко подразумевается, что явствует из неоднократного указания на «государства — участники настоящих статей». Вопрос заключается в том, следует ли исходя из этого предположения включить положение об обязательном разрешении споров, к которому могли бы прибегать как потерпевшие государства, так и государство, которое, как утверждается, несет ответственность.

¹¹ A/CN.4/498/Add.4, пункты 384–387.

¹² См. *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят пятая сессия, Дополнение № 10 (A/55/10)*, пункты 438–449.

¹³ См., например, комментарии в A/CN.4/488, стр. 166–171 (в отношении проектов статей, принятых в 1996 году) и более недавние мнения, воспроизведенные в Тематическом резюме... (A/CN.4/513), пункты 19–21, также Комментарии и замечания... (A/CN.4/515).

13. Изложив этот вопрос таким образом, Специальный докладчик отказывается от факультативного арбитража и от не имеющих обязательной силы форм разрешения споров. Необходимость включения в проекты статей еще одного факультативного механизма судебного разрешения споров отсутствует¹⁴. Что касается не имеющих обязательную силу форм разрешения споров, таких, как примирение, посредничество и расследование, то нет никаких сомнений в том, что они являются ценными, по крайней мере в специальных контекстах. Государства могут прибегать к ним уже в силу общего обязательства разрешать споры, зафиксированного в статье 33 Устава Организации Объединенных Наций, и конкретные положения содержатся, например, в двух Гаагских конвенциях 1899 и 1907 годов¹⁵. Фактическое положение дел заключается в том, что вне контекста морских аварий случаи обращения к этим методам урегулирования споров, касающихся ответственности государств, являются немногочисленными¹⁶. Кроме того, в свете развития общего и/или обязательного третейского разрешения споров в таких крупных нормативных договорах, как Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву и связанные с ней соглашения об осуществлении, Марракешское соглашение Всемирной торговой организации (ВТО) и Протокол 11 Европейской конвенции о правах человека, установление лишь «мягкой» формы разрешения споров в проектах статей может оказаться даже шагом назад.

14. При рассмотрении вопроса об обязательном судебном урегулировании споров согласно проектам статей первый вопрос — это вопрос о сфере охвата. В Части третьей используется стандартная формулировка «споры, касающиеся толкования или применения настоящих статей». В контексте текста в целом, особенно статей 2 и 12, эта формулировка потенциально охватывает любой спор, касающийся ответственности государства за международно-противоправное деяние, по просьбе любого государства, указанного в статьях 43 или 49, независимо от того, связано ли то или иное поведение с нарушением договора или какого-либо иного международного обязательства. Иными словами, сфера охвата такого положения не будет ограничена спорами, касающимися конкретного толкования определенных положений в самих проектах статей (например, положений, касающихся присвоения ответственности или обстоятельств, исключающих противоправность). Она будет распространяться на применение и толкование первичных норм, т.е. тех норм, предусматривающих обязательства государств, нарушение которых сопряжено с их ответственностью. Короче говоря, любой спор между государствами относительно ответственности одного из них за нарушение

¹⁴ Помимо факультативной оговорки и многосторонних договоров, предусматривающих общий порядок обращения к судебному разрешению споров (например, Американский договор о мирном урегулировании, Богота, 30 апреля 1948 года; Европейская конвенция о мирном разрешении споров, 29 апреля 1957 года), можно указать на Факультативные правила разбирательства споров между двумя государствами Постоянной палаты третейского суда. Все государства имеют доступ к одному или нескольким средствам факультативного судебного разрешения споров.

¹⁵ См. статьи 2–8 и 9–14 Конвенции 1899 года и более детальные положения в статьях 2–8 и 9–36 Конвенции 1907 года.

¹⁶ Данные об опыте работы комиссий по расследованию см. J.G. Merrills, *International Dispute Settlement* (3rd ed. Cambridge, 1998), chap. 3.

международного обязательства, независимо от его происхождения, будет связан с применением, если не с толкованием проектов статей¹⁷.

15. Даже если будет принято более узкое мнение относительно сферы охвата выражения «толкование или применение», то оно по-прежнему будет охватывать огромное количество споров об ответственности государств. Например, будут включены споры относительно следующих вопросов: любой вопрос, касающийся присвоения поведения государству (Часть первая, глава II); любой вопрос относительно нахождения в силе обязательства для государства (статья 13) или существования длящегося нарушения обязательства (статья 14); любой вопрос относительно существования обстоятельства, исключающего противоправность (Часть первая, глава V), или относительно характера и объема обязательств о прекращении и возмещении в связи с нарушением (Часть вторая, главы I и II). Кроме того, даже если суть спора заключается в толковании или применении той или иной конкретной первичной нормы или обязательства, а не вторичных обязательств, охватываемых проектами статей, то будет довольно легко создать международный спор, с тем чтобы сложилось впечатление о том, что речь идет об обязательствах второго типа. Согласно обеим точкам зрения, порядок обязательного разрешения споров будет распространяться на все или практически все вопросы, связанные с ответственностью государств. Действительно, с учетом тесной связи между первичными и вторичными обязательствами в области ответственности это естественно и неизбежно будет происходить таким образом.

16. Существует еще одна трудность, которая связана с тесным переплетением первичных и вторичных обязательств и взаимосвязанностью различных «отраслей» международного права. Сложность заключается не только в выделении области применения вторичных обязательств об ответственности государств, но и в выделении области обязательств об ответственности государств как таковых, отличных от других областей. Например, вопросы, по существу касавшиеся размера сухопутной территории и поднимавшиеся в Международном Суде, могут касаться утверждений об ответственности государств за оккупацию или вторжение на спорную территорию¹⁸, или осуществление принудительных полномочий в спорных морских зонах может быть сопряжено с вопросами об ответственности государств¹⁹.

¹⁷ Выражение «споры, касающиеся толкования или применения» того или иного договора получило широкое толкование. См., например, *Mavrommatis Palestine Concessions*, P.C.I.J. Series A. No. 2 (1924), pp. 16, 29; *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Preliminary Objections)* I.C.J. Reports 1984, pp. 427–428 (paras. 81, 83); *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide. Bosnia and Herzegovina v. Yugoslavia (Preliminary Objections)*, I.C.J. Reports 1996, pp. 615–617 (paras. 31–32); *Case Concerning Oil Platforms (Islamic Republic of Iran v. United States of America)*, Preliminary Objections, I.C.J. Reports 1996, p. 820 (para. 51); *Case concerning Questions of Interpretation and Application of the 1971 Montreal Convention arising from the Aerial Incident at Lockerbie (Libyan Arab Jamahiriya v. United Kingdom)*, I.C.J. Reports 1998, p. 17 (paras. 24–25); *Case concerning Questions of Interpretation and Application of the 1971 Montreal Convention arising from the Aerial Incident at Lockerbie (Libyan Arab Jamahiriya v. United States of America)*, I.C.J. Reports 1998, p. 123.

¹⁸ Как это имело место в деле о сухопутной и морской границе (Камерун против Нигерии): см. I.C.J. Reports 1998, pp. 317–319 (paras. 95–102).

¹⁹ См., например, *Anglo-Norwegian Fisheries case*, I.C.J. Reports 1951, p. 116.

Ответственность государств является одним из элементов структуры общего международного права в целом. Будет совсем непросто выделить для целей разрешения споров вопросы, конкретно рассмотренные в проектах статей; даже если это можно было бы сделать, то полученные результаты носили бы весьма искусственный характер.

17. Как отмечалось выше, в принятых в первом чтении проектах статей предусматривается обязательное арбитражное разбирательство лишь в отношении споров, касающихся контрмер, причем лишь по просьбе государства-объекта контрмер. Что касается комментариев правительств, то, хотя была подчеркнута важность мирного разрешения споров, немного правительств стремились к включению более далеко идущих положений. Большинство правительств заняли позицию, согласно которой включение в проекты статей общих положений об обязательном разрешении споров не является реальным²⁰.

18. Специальный докладчик с этим согласен. По приведенным выше причинам система факультативного разрешения споров, связанная со статьями, мало что или ничего не добавит к тому, что уже существует. Система остаточного обязательного третейского разрешения споров для большинства целей будет означать возбуждение третейского разбирательства споров, касающихся всей области международного права, которая в очень многих случаях касается выполнения государством его международных обязательств. Свидетельства того, что государства в настоящее время готовы взять на себя такое общее обязательство, отсутствуют. Был достигнут прогресс в контексте конкретных областей международного права и конкретных регионах, и это, без всякого сомнения, представляет собой шаг вперед.

19. Кроме того, даже если государства готовы взять на себя дополнительные обязательства общего характера в связи с разрешением споров, маловероятно, что они будут делать это в рамках статей об ответственности государств, некоторые аспекты которых по-прежнему являются спорными. Если исходить из того, что государства примут статьи в форме общей конвенции, нельзя ожидать, что конвенция будет содержать положения об общем и обязательном разрешении споров посредством арбитражного или судебного разбирательства. По мнению Специального докладчика, Часть третья и два приложения должны быть исключены. Вопросы о разрешении споров в связи с ответственностью государств должны быть оставлены на урегулирование посредством существующих положений и процедур.

20. Необходимо упомянуть еще одно соображение. Китай согласен с тем, что существующие положения Части третьей об урегулировании споров не согласуются с принципом свободного выбора средств, изложенного в статье 33 Устава Организации Объединенных Наций. Вместе с тем он

«не согласен с простым изъятием всех статей, касающихся урегулирования споров. Поскольку вопрос об ответственности государств связан с правами и обязательствами между государствами, а также с их жизненно важными интересами, это представляет собой весьма деликатную сферу международного права, в которой легко возникают противоречия. Чтобы должным образом заняться этими вопросами,

²⁰ См. пункт 11 выше.

необходимо изложить общие положения, которые будут служить в качестве принципов для урегулирования споров, вытекающих из ответственности государств, включая в особенности строгое соблюдение обязательства об урегулировании споров мирным путем, как это предусмотрено в пункте 3 статьи 2 и в статье 33 Устава Организации Объединенных Наций»²¹.

Поэтому он предлагает включить в Часть четвертую общее положение в отношении мирного урегулирования споров, касающихся ответственности государств. Такое положение, которое может быть составлено по примеру статьи 33 Устава, частично сняло бы озабоченность относительно того, что утверждения об ответственности государств не станут поводом для принудительных односторонних мер со стороны любого государства. Комиссия может пожелать рассмотреть эту идею, даже если с учетом отсутствия обязательной конвенции, содержащей положение об обязательном урегулировании, в этой области невозможно установить какое-либо новое предметное обязательство.

В. Форма проектов статей

21. Что касается вопроса о возможной форме проектов статей, то как правительства, так и члены Комиссии высказали различные мнения²². Их можно резюмировать следующим образом.

Конвенция об ответственности государств?

22. Те, кто выступает за этот вариант, отмечают стабилизирующее воздействие, которое оказала Венская конвенция о праве международных договоров, и ее сильное сохраняющееся влияние на обычное международное право, независимо от того, являются ли те или иные конкретные государства сторонами ее или нет. Согласно этому мнению, продолжительная и тщательная работа Комиссии над темой об ответственности государств должна найти отражение в нормотворческом тексте. Традиционный и установившийся способ, с помощью которого это делается, — это принятие договора либо на дипломатической конференции, либо в рамках Шестого комитета²³.

Принятие Генеральной Ассамблеей в какой-либо форме?

23. Другие правительства и комментаторы сомневаются в целесообразности попыток кодификации общих норм об ответственности государств в договорной форме. Они указывают на необходимость гибкости и непрерывного процесса юридического развития, а также довольно предварительный и спорный характер некоторых аспектов текста. Они сомневаются, что государства отдадут предпочтение ратификации конечного договора перед использованием его конкретных аспектов в случае необходимости. Они отмечают дестабилизирующий и даже «декодифицирующий» эффект, который

²¹ Комментарии и замечания... (A/CN.4/515).

²² См. Тематическое резюме... (A/CN.4/513), пункты 22–24; Комментарии и замечания... (A/CN.4/515).

²³ Это общее мнение было выражено, например, странами Северной Европы, Словакией и Испанией: см. Комментарии и замечания... (A/CN.4/515).

может дать безуспешная конвенция. По их мнению, более реалистично и, по всей видимости, более эффективно полагаться на международные суды и трибуналы, практику государств и доктрину при принятии и применении норм, содержащихся в тексте. Они в большей степени повлияют на международное право в форме декларации или другого утвержденного заявления, чем в том случае, если они будут включены в нератифицированный и потенциально противоречивый договор. Они отмечают, что Международный Суд уже несколько раз применял положения из проектов статей²⁴, несмотря на то, что они были приняты Комиссией лишь в предварительном порядке. Опыт свидетельствует о том, что статьи могут оказывать влияние в долгосрочной перспективе, даже если они не примут форму конвенции²⁵.

Вопрос о процессе

24. Несколько правительств выразили озабоченность по поводу вопроса о процессе. По их мнению, вопрос о том, примут ли статьи форму конвенции или декларации, является менее важным, чем вопрос о том, будет ли пересматриваться и рассматриваться существо текста и каким образом. Связанный с подготовительной комиссией процесс, использованный, например, в случае проекта статута международного уголовного суда, отнимает слишком много времени. Кроме того, он значительно менее уместен в случае изложения вторичных норм международного права, оторванных от какой-либо конкретной области первичных правовых обязательств, но имеющих самые разные последствия для международного права в целом. Как отметила Австрия, дипломатическая конференция «по всей видимости, будет означать возобновление, если не сказать повторение, очень сложной дискуссии, которая поставит под угрозу баланс текста, установленный КМП»²⁶. Это же справедливо в отношении процесса, предусматривающего создание подготовительной комиссии, работа которой будет предшествовать дипломатической конференции и которая, по всей видимости, будет вовлечена в подготовку к принятию текста Генеральной Ассамблеей в качестве торжественной декларации в квазинормативной форме. Согласно этому мнению, менее спорный и более тонкий подход заключался бы в том, что Генеральная Ассамблея просто приняла бы к сведению текст и предложила использовать его государствам и международным судам и трибуналам, с тем чтобы его содержание рассматривалось в рамках обычных процессов применения и развития международного права.

Вывод

25. По мнению Специального докладчика, аргументы являются довольно хорошо сбалансированными. С одной стороны, традиционный способ принятия текстов Комиссии связан с дипломатической конференцией и конвенцией. Во

²⁴ См., например, *Gabčíkovo-Nagymaros Case (Hungary v. Slovakia)*, I.C.J. Reports 1997, p. 7, paras. 47, 50–53, 58, 79, 83; *Difference Relating to Immunity from Legal Process of a Special Rapporteur of the Commission on Human Rights*, I.C.J. Reports, 1999, para. 62.

²⁵ Это общее мнение было выражено, например, Австрией, Китаем, Японией, Нидерландами, Соединенным Королевством, Соединенными Штатами: Комментарии и замечания... (A/CN.4/515). Нидерланды утверждают, что результаты должны быть облечены в самом крайнем случае в форму декларации Генеральной Ассамблеи: там же.

²⁶ Там же.

многих случаях (включая принятые совсем недавно Конвенцию о праве несудоходных видов использования международных водотоков и Римский статут Международного уголовного суда) это дало государствам возможность внести в полном объеме вклад в принятый в окончательном виде текст, а также придало стабильность и авторитет тексту, которых он не имел бы в ином случае. С другой стороны, в отличие от некоторых других текстов, которые следует облекать в форму конвенции, для того чтобы они имели юридическую силу, в принципе, нет никаких причин, по которым декларация по вопросу об ответственности государств или определенный аналогичный документ не мог бы стать частью *droit acquis*. Правовые нормы об ответственности государств функционируют на международном уровне и не нуждаются в имплементации в рамках национального законодательства. Государства, трибуналы и ученые будут ссылаться на текст независимо от его статуса, поскольку он будет авторитетным текстом в области, которую он охватывает. Проекты статей уже часто цитировались и оказывали сильное определяющее воздействие даже в виде проектов. Можно надеяться на то, что этот процесс одобрения и применения отдельных положений будет продолжаться и активизируется благодаря принятию текста Генеральной Ассамблеей.

26. В конечном счете, это вопрос политики для Комиссии в целом. Какую рекомендацию Комиссия должна сделать Генеральной Ассамблее, зависит от целого ряда факторов. В их число входят: позиция, которая будет в конечном счете занята в отношении урегулирования споров; общее признание баланса в тексте (баланса, который, как утверждается, еще не достигнут); и оценка вероятного характера и итога любого процесса с участием подготовительной комиссии, который приведет либо к принятию декларации, либо к созыву дипломатической конференции. Со своей стороны, Специальный докладчик склоняется к мнению о том, что резолюция Генеральной Ассамблеи, принимающая к сведению текст и рекомендуемая его правительствам, может быть самой простой и практичной формой, особенно если это позволит Ассамблее избежать продолжительного и возможно спорного обсуждения конкретных статей. Он выдвигает предложение, согласно которому Комиссия может возвратиться к этому вопросу позднее во время сессии с учетом баланса, который в конечном счете будет достигнут, в частности любого решения в отношении нынешней Части третьей.

III. Ссылка на ответственность: «ущерб», «вред» и «потерпевшее государство»

27. Что касается вопросов существа, то первый общий вопрос касается блока статей, которые определяют то, что представляет собой «вред» и «ущерб» для целей ответственности государств (статьи 31 и 37), а также соответствующих положений (статьи 43, 49), касающиеся ссылки на ответственность «потерпевшим» и «иными» государствами. Последние статьи были включены на последней сессии Комиссии вместо статьи [40] и в порядке разъяснения статей 42 и 44²⁷.

²⁷ См. третий доклад Специального докладчика, A/CN.4/507, пункты 66–118.

28. Правительства положительно восприняли различие между «потерпевшими» и «другими» государствами в статьях 43 и 49, но при этом затронули ряд вопросов относительно формулировок этих статей, а также определения «ущерба». Что касается последнего, то, как представляется, общее признание получило предложение о том, что ущерб не является необходимым составным элементом каждого нарушения международного права и что поэтому статьи 1 и 2 не должны включать в себя каких-либо конкретных указаний на «ущерб». Вопрос о пороге в отношении нарушения будет решаться соответствующей первичной нормой: в некоторых случаях это может быть нанесение реального ущерба, в других случаях — угроза нанесения такого ущерба, а в третьих — простое невыполнение обещания, независимо от его последствий на тот момент. Аналогичным образом, с помощью первичных норм и их толкования будет определяться круг интересов, защищаемых международным обязательством, нарушение которого повлечет за собой соответствующее вторичное обязательство произвести возмещение. В случае некоторых обязательств, имеющих узкую направленность или предназначенных для защиты конкретного интереса, не каждое последствие нарушения может влечь за собой компенсацию. В других случаях положение может отличаться. Эти вопросы касаются прежде всего толкования и применения рассматриваемой первичной нормы. Они не определяются априорно вторичными нормами об ответственности государств²⁸. Все, что можно требовать, — это формулирование вторичных норм таким образом, чтобы они учитывали весь диапазон возможностей.

29. Именно здесь были выявлены трудности, по меньшей мере, на уровне составления проектов и комментария. Существует три различных, но связанных между собой момента: употребление таких терминов, как «вред» и «ущерб» в Частях второй и второй бис, ссылка на ответственность со стороны потерпевшего государства, как оно определено в статье 43, и сфера охвата статьи 49, особенно в контексте обязательств, направленных на защиту коллективного интереса.

«Вред» и «ущерб» в проектах статей

30. Термины «вред», «убытки», «ущерб», «потери» и т.д. не определены последовательно в международном праве, и их согласованные или точные эквиваленты на официальных языках Организации Объединенных Наций отсутствуют. Обзор какой-либо конкретной области вскрыет целый диапазон терминов или определений, специфичных с учетом контекста. Например, в области охраны окружающей среды наиболее обычным используемым термином является «ущерб». Иногда он используется без прилагательных²⁹, а иногда используются такие слова, как «значительный»³⁰ или даже

²⁸ Cf. J. Combacau and D. Alland, "Primary and Secondary Rules in the Law of State Responsibility: Categorizing International Obligations", (1985) 16 *Netherlands YBIL* 108. См. также первый доклад Специального докладчика, A/CN.4/490, пункты 112–121.

²⁹ Как термин в принципе 21 Стокгольмской декларации 1972 года, который повторен в принципе 2 Рио-де-Жанейрской декларации 1992 года и использован во многих других документах.

³⁰ Как в Конвенции о праве несудоходных видов использования международных водотоков, 21 мая 1997 года, статья 7 («Значительный ущерб»). Ср. Конвенцию о трансграничном воздействии промышленных аварий, Хельсинки, 17 марта 1992 года, статья 1(d).

«непоправимый»³¹. Иногда термины используются без ущерба вопросам гражданской или материально-правовой ответственности, но таким образом, который указывает, что возникновение ущерба не является достаточным или даже необходимым основанием для наступления ответственности³². Иногда общий термин «ущерб» оговаривается изъятиями в отношении определенных видов возмещения ущерба³³. В ходе краткого обсуждения при вынесении консультативного заключения по вопросу о *ядерном оружии* Международный Суд вообще избежал использования квалифицирующего термина, употребив вместо него расплывчатый глагол «уважать»³⁴. В области права международной торговли используются другие стандарты: например, в статье 3(8) Договора о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров, содержащейся в приложении к Марракешскому соглашению 1994 года, предусматривается следующее:

«В случаях нарушения обязательств, принятых на основе охваченного соглашения, оно рассматривается при отсутствии доказательств в пользу противного (*prima facie*) как действие, которое аннулирует или сокращает выгоды. Как правило, это означает присутствие предположения о том, что нарушение правил влечет неблагоприятные последствия для других членов-сторон охваченного соглашения, и в таких случаях член, на которого подана жалоба, может опровергнуть обвинение».

Это отражает давно установившуюся практику в рамках системы ГАТТ/ВТО. Действительно, как представляется, до настоящего времени еще не было случая, когда такое предположение оспаривалось. Как заявила коллегия в деле «United States — Superfund»:

«Поэтому демонстрация того, что мера, не согласующаяся с [каким-либо положением охваченного соглашения], не имеет последствий или имеет незначительные последствия... не будет достаточной демонстрацией того, что выгоды, вытекающие из этого положения, не были аннулированы или неблагоприятно затронуты, даже если такое опровержение допускается в принципе»³⁵.

31. С учетом нынешнего состояния международного права было бы неправильным и резюмировать наличие какого-либо конкретного определения «вреда» или «ущерба», которое было бы универсально применимым. Многие

(«Трансграничное воздействие означает серьезное воздействие...»); Конвенцию об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте, Эспо, 25 февраля 1991 года, статья 2(1) («значительное вредное трансграничное воздействие на окружающую среду»); Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям 1949 года от 8 июня 1977 года, статья 35(3) («обширный, долговременный и серьезный ущерб природной среде»), ср. также статью 55(1).

³¹ Всемирная хартия природы, 28 октября 1982 года, пункт 11(a).

³² Например, Конвенция об охране озонового слоя, Вена, 22 марта 1985 года, статья 1(2) («Неблагоприятное воздействие» определяется как изменения, которые имеют «значительные вредные последствия» для здоровья человека или экосистемы).

³³ Например, статья 7(c) Конвенции о гражданской ответственности за ущерб от деятельности, опасной для окружающей среды, Лугано, 21 июня 1993 года, ограничивающая компенсацию в некоторых случаях издержками на восстановление.

³⁴ *I.C.J. Reports 1996*, p. 242 (para. 29).

³⁵ *B.I.S.D. 34S/136*, para 5.1.9 (1987), одобрено и применено Апелляционным органом в деле «European Communities — Bananas», DSR. 1997:II p. 690.

декларации и соглашения, в которых излагаются первичные нормы об ответственности, как представляется, не отходят от какого-либо общего правила об ущербе или вреде. Они не содержат много специальных положений, действующих в силу принципа *lex specialis* (статья 56). Каждое из них составлено так, чтобы учесть конкретные потребности контекста и обеспечить сбалансированность конкретного урегулирования на основе переговоров. И в этом случае в большинстве статей это достигается благодаря использованию общих широких и гибких формулировок при сохранении внутренней последовательности.

32. Что касается соответствующих статей, то, во-первых, следует отметить, что в них излагаются две категории вторичных последствий нарушения: прекращение и неповторение (статья 30) и возмещение (статья 31). Прекращение требуется в случае какого-либо длящегося нарушения существующего обязательства, при этом отдельный вопрос об ущербе не возникает. В соответствии со статьей 30(b) заверения или гарантии неповторения являются исключительными средствами правовой защиты, к которым можно обращаться в некоторых случаях, если существуют основания для пресечения дальнейшего нарушения обязательства. Ни одно из этих средств правовой защиты не ограничено и не должно быть ограничено «потерпевшими государствами», как они определены в статье 43³⁶. Хотя затрагивались некоторые вопросы относительно содержания и формулировки статьи 30(b)³⁷, это толкование вторичных последствий представляется приемлемым, и, в действительности, оно получило общее одобрение в комментариях правительств.

33. В статье 31 содержится общее обязательство о возмещении, формы которого далее развиты в главе II. В статье 31(1) предусматривается, что обязательство заключается в предоставлении «полного возмещения за ущерб, причиненный международно-противоправным деянием»: как представляется, это не вызывает споров³⁸. В статье 31(2) предусматривается, что «ущербом является любой вред, материальный или моральный, нанесенный в результате международно-противоправного деяния государства». Это положение было включено Редакционным комитетом в 2000 году в попытке несколько разъяснить концепцию «вреда». С учетом полученных комментариев оно представляется проблематичным по трем аспектам:

- Во-первых, бесспорно является ошибочным утверждение о том, что «вред», т.е. правонарушение по отношению к другому, вытекающее из нарушения обязательства, «является» ущербом. В одних случаях ущерб может быть главным элементом вреда, а в других нет; в третьем случае могут иметь место потери при отсутствии правонарушения (*damnum sine injuria*). Было бы более правильно сказать, что вред «включает любой ущерб...».

³⁶ См. статью 49(2)(a).

³⁷ Эти комментарии и замечания см. в добавлении ниже.

³⁸ В теории может иметь место нарушение, от которого никто не понес реального ущерба или потерь, и, разумеется, могут иметь место нарушения, от которых не пострадает ни одно государство по смыслу статьи 43. Однако такие случаи, по всей видимости, являются исключительными, и что касается пункта 1, то толкование выражения «любой вред» (а не «вред») может усложнить, а не облегчить проблему.

- Во-вторых, в разных правовых системах понятие «морального ущерба» воспринимается по-разному. В некоторых системах он охватывает эмоциональные травмы и другие нематериальные потери, понесенные физическими лицами; в других «моральный ущерб» может распространяться на различные формы юридического ущерба, например, ущерб репутации или оскорбление, связанное с самим фактом нарушения. Существуют трудности с употреблением терминов, заимствованных из внутреннего права, которые, как утверждается, не получили самостоятельного развития в международном праве³⁹. Вместе с тем термин «моральный ущерб» используется в судебной практике, и, поскольку некоторые виды нематериальных потерь, которые могут компенсироваться, не вписываются в какую-либо единую теорию морального ущерба, представляется целесообразным указать на них в пункте 2.
- В-третьих, выражение «нанесенный в результате» в пункте 2 явно контрастирует со словом «причиненный» в пункте 1. Комиссия выразила мнение о том, что в текст не следует включать какой-либо единый словесный критерий для отдаленности ущерба, либо посредством употребления термина «прямой» или «предвидимый», либо посредством ссылки на теорию «неразрывной причинной связи»⁴⁰. Как и в национальном праве, представляется вероятным, что различные критерии для отдаленности могут быть уместными для различных обязательств или в различных контекстах с учетом интересов, которые предполагалось защитить с помощью первичной нормы. Поэтому было решено использовать лишь термин «причиненный» и осветить этот момент в комментарии⁴¹. Однако непоследовательно использовать в одной и той же статье другое выражение, которое может означать, что последующие убытки всегда покрываются возмещением.

По размышлении, Специальный докладчик пришел к мнению о целесообразности сохранения статьи 31(2), но в следующей формулировке: «Ущерб включает в себя любой вред, материальный или моральный, причиненный международно-противоправным деянием»⁴².

34. Определенное новое разъяснение понятия ущерба содержится в статье 37(2), в которой идет речь о компенсации. Она предусматривает, что компенсация «охватывает любой оцененный с финансовой точки зрения ущерб, включая упущенную выгоду, если такая установлена». В общем, было

³⁹ Специальный докладчик Аранджо-Руис считал, что «моральный ущерб» государству с юридической точки отличается от концепции морального ущерба физическим лицам в рамках прав человека или дипломатической защиты: см. его второй доклад в *Ежегоднике ... 1989 год*, том II (Часть первая), документ A/CN.425 и Add.1, пункты 7–17. Это вполне может быть правильным, однако вряд ли уменьшает терминологическую путаницу.

⁴⁰ См. третий доклад Специального докладчика, A/CN.4/507, пункты 27–29, 31–37.

⁴¹ Термин «причиненный» также используется в статьях 27, 35, 37 и 38.

⁴² Предположительно, эта формулировка не учитывает случаи, когда то или иное конкретное обязательство охватывает лишь конкретные последствия, в результате чего в случае других последствий компенсация не полагается. Редакционный комитет может пожелать рассмотреть вопрос о том, охватывает ли этот момент выражение «любой ущерб... отнесенный к международно-противоправному деянию».

выражено удовлетворение по поводу того, как в этом пункте рассматривается вопрос об упущенной выгоде, однако некоторые выразили сомнения относительно того, что выражение «оценимый с финансовой точки зрения ущерб» лучше выражения «оценимый с экономической точки зрения ущерб». Специальный докладчик считает, что различие является очень незначительным. Цель заключается в том, чтобы охватить каждый случай, когда ущерб поддается оценке с финансовой точки зрения, даже если это включает в себя предварительную оценку, аппроксимацию, использование эквивалентов и т.д. Естественно, цель не заключается в ограничении компенсации убытками (например, имущественными убытками), размер которых может быть точно исчислен в денежном выражении. Представляется достаточным разъяснить это в комментарии.

Ссылка на ответственность со стороны «потерпевшего государства»

35. Несмотря на общее одобрение различия между потерпевшим государством и другими государствами, в связи со статьей 43 были затронуты несколько вопросов. Первый вопрос касается самого понятия ссылки на ответственность, которое конкретно не определено ни в статье 43, ни в статье 44. Необходимо провести в данном случае различие между предъявлением претензии, которое может быть и обычно является относительно формальной процедурой, и «неформальными дипломатическими обменами» в связи с озабоченностью по поводу определенной ситуации или спора⁴³. Государство не должно быть «потерпевшим» в каком-либо смысле, с тем чтобы выразить свою озабоченность относительно определенной ситуации, в том числе нарушения международного права. Любые юридические ограничения на это проистекали бы из принципа внутренней юрисдикции государства-адресата, а не из концепции «вреда» или «ущерба». Демарши подобного рода не приравниваются к ссылке на ответственность, и наличие какого-либо конкретного юридического интереса не требуется. Справедливо, что на ответственность государства можно (и обычно это так происходит) сослаться по дипломатическим каналам или иным образом посредством прямого межгосударственного контакта, не представляя вопрос на урегулирование в рамках какой-либо третьей процедуры. В действительности, третья сторона, обладающая юрисдикцией в отношении спора, может отсутствовать. Тем не менее государство ссылается на ответственность, когда оно предъявляет претензию другому государству на основе какого-либо из последствий нарушения международного права этим государством, о котором идет речь в Части второй. Цель статей 43 и 49 заключается в определении в качестве общего вопроса (например, помимо статьи 56) момента, когда это можно делать. В случае неудовлетворения требования государства, предъявляющего претензию, возникает правовой спор, для рассмотрения которого суд или трибунал будет иметь юрисдикцию, если соответствующие государства соглашаются на это. Исходя из общего подхода в тексте, не представляется необходимым формально определять понятие ссылки. Редакционный комитет может пожелать рассмотреть альтернативные

⁴³ Это выражение заимствовано из статьи 27(2) Конвенции об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими и юридическими лицами других государств, Вашингтон, 1965 год. См. третий доклад Специального докладчика, A/CN.4/507, пункт 105.

формулировки статей 43 или 44⁴⁴, или же этот момент можно подчеркнуть в комментарии.

36. Что касается определения «потерпевшее государство», то несколько правительств предложили заменить выражение «международное сообщество в целом», употребляемое в статье 43 и в других статьях, выражением «международное сообщество государств в целом»⁴⁵. В частности, они указывают на определение императивных норм в статье 53 Венских конвенций 1969 и 1986 годов. Специальный докладчик не считает необходимым внесение каких-либо изменений в это получившее широкое признание выражение. Государства по-прежнему играют центральную роль в процессе международного правотворчества и правоприменения, и аксиоматично, что каждое государство как таковое является членом международного сообщества. Однако международное сообщество включает в себя помимо государств и другие образования: например, Европейский союз, Международный комитет Красного Креста, саму Организацию Объединенных Наций. Международный Суд употребил выражение «международное сообщество в целом» при рассмотрении дела о компании «Барселона трэкшн»⁴⁶, и оно употреблялось в принятых впоследствии многосторонних договорах, таких, как Римский статут Международного уголовного суда, 1998 год, статья 5(1)⁴⁷.

37. Однако это выражение не подразумевает наличие такого субъекта права, как международное сообщество. Ясно, что такого субъекта нет⁴⁸. Однако, хотя конкретные органы или учреждения (например, главные органы Организации Объединенных Наций) могут представлять интересы сообщества в общем или в конкретных целях, их бездействие в том или ином конкретном случае не означает, что государство, нарушившее обязательство перед сообществом в целом, не может быть привлечено к ответу. В этом заключается причина включения этой концепции в статью 49. Для целей статьи 43 необходимо лишь отметить, что, даже если обязательство является обязательством перед международным сообществом в целом, некоторые конкретные государства могут быть особо затронуты его нарушением. Поэтому такие обязательства необходимо включить и в статью 43.

38. Последний вопрос касается статьи 43(b)(ii), в которой идет речь о так называемых «интегральных» обязательствах⁴⁹. Хотя этот термин иногда

⁴⁴ Например, статья 43 может сначала устанавливать право потерпевшего государства ссылаться на ответственность другого государства согласно этим статьям, а затем определять термин «потерпевшее государство» во втором пункте. В статье 44 можно было бы тогда рассмотреть вопрос о способе ссылки. Это предложение было внесено Соединенным Королевством.

⁴⁵ Это предложение было внесено, например, Францией, Мексикой, Словакией и Соединенным Королевством, причем не только в отношении статьи 43, но и в отношении статей 26, 34 и 41. См. приложение к настоящему докладу, сноска к статье 26.

⁴⁶ *I.C.J. Reports 1970*, p. 32 (para. 33).

⁴⁷ Формулировка статьи 5(1) заимствована из преамбулы подготовленного Комиссией в 1994 году проекта статута: *Ежегодник... 1994 год*, том II (Часть вторая), стр. 26–27 текста на английском языке, однако она была существенно усилена на этапе перехода к статье, содержащей материально-правовые нормы.

⁴⁸ Cf. Judge Fitzmaurice (dissenting), in the *Namibia Opinion*, *I.C.J. Reports 1971*, p. 241 (para. 33). По аналогичным причинам было бы целесообразным в статье 43(b) указать не на «группу», а на «несколько» государств; это же касается статьи 49.

⁴⁹ Что касается развития концепции интегральных обязательств, то см. третий доклад

используется для того, чтобы охватить обязательства, связанные с общим интересом (например, обязательства в области прав человека), Специальный докладчик понимает его как указание на обязательства, которые функционируют на основании принципа «все или ничего». В соответствии со статьей 60(2)(с) Венской конвенции 1969 года нарушение интегрального обязательства дает любой другой стороне право приостановить действие договора не только по отношению к государству-нарушителю, но и по отношению ко всем государствам. Иными словами, нарушение такого обязательства ставит под угрозу договорную структуру в целом. К счастью, это не применяется по отношению к договорам по вопросам прав человека; скорее наоборот, поскольку одно государство не может нарушать права человека из-за нарушения другого государства. Такие договоры, как договоры о нераспространении и о разоружении, или другие договоры, требующие всеобъемлющего коллективного ограничения, с тем чтобы они функционировали (как в случае с центральными обязательствами государств — участников Договора об открытом космосе или Договора об Антарктике), являются интегральными в этом смысле. Несмотря на то, что эта категория может быть узкой, она является важной. Кроме того, она столь же релевантна по отношению к ответственности государств, что и к приостановлению действия договора. Другие стороны интегрального обязательства, которое было нарушено, могут быть не заинтересованы в приостановлении его действия и должны иметь возможность настаивать на том, чтобы несущее ответственность государство прекратило деяние и предоставило возмещение. По этим причинам Специальный докладчик считает, что статью 43(b)(ii) следует сохранить. Вместе с тем Редакционный комитет мог бы, рассматривая ее формулировку, учесть несколько внесенных предложений⁵⁰.

**Другие государства, имеющие право ссылаться на ответственность:
статья 49**

39. Хотя Япония считает, что статья 49 не является «основным вопросом правовых норм об ответственности государств», большинство других правительств согласились с закрепленным в ней принципом, и следует отметить, что Международный Суд в 1970 году в ясно выраженной форме признал его. Однако был поднят ряд вопросов относительно формулировки и предполагаемой цели этой статьи.

40. Первый вопрос касается понятия «защиты коллективного интереса» в статье 49(1)(a). В конце концов, какие международные обязательства (помимо исключительно двусторонних) не установлены в определенном смысле «для защиты коллективного интереса»? Даже договоры, которые наиболее тесным образом ассоциируются с классическим «комплексом» двусторонних обязательств, на более глубоком уровне заключаются для защиты коллективного интереса. Например, обычно считается, что дипломатические отношения между двумя государствами в соответствии с Венской конвенцией о дипломатических сношениях являются двусторонними по своему характеру, и

Специального докладчика, A/CN.4/507, пункт 91.

⁵⁰ В их число входит добавление слова «неизбежно» и замену союза «или» на союз «и» в заключительном выражении. Таким образом, этот пункт гласил бы следующее: «(b) носит такой характер, что оно неизбежно затрагивает осуществление прав и исполнение обязательств всех соответствующих государств».

«обычные» нарушения этой Конвенции по отношению к одному государству вряд ли будут рассматриваться в качестве поднимающих вопросы для других государств, которые являются ее сторонами. Однако на определенном уровне серьезности нарушения Конвенции вполне могут возникать вопросы относительно установления дипломатических отношений, которые вызвали бы законную озабоченность третьих государств⁵¹. Видимо, в статье 49(a) следует далее уточнить, что она ограничивается нарушениями, которые сами по себе являются нарушениями, негативно сказывающимися на коллективном интересе государств — сторон обязательства⁵².

41. Было также высказано предложение о том, что аналогичные ограничения должны применяться по отношению к статье 49(1)(b). Франция считает, что этот пункт должен быть ограничен серьезными нарушениями, охватываемыми Частью второй, глава II. Это предложение в большей степени относится к требованиям о возмещении, предусмотренным в статье 49(2)(b), чем в отношении требований о прекращении. Представляется обоснованным предоставить всем государствам возможность настаивать на прекращении нарушения обязательства перед международным сообществом в целом. Как представляется, это непосредственно вытекает из dictum Суда в решении по делу о компании «Барселона трэкшн». Должно ли государство-истец иметь возможность требовать возмещения «от имени потерпевшего государства или бенефициаров нарушенного обязательства», видимо, менее ясно. В частности, именно этого можно, рассуждая здраво, ожидать от потерпевшего государства, если оно существует.

42. Существуют вопросы, к рассмотрению которых Комиссия может пожелать вернуться, и Редакционный комитет наверняка рассмотрит вопрос о том, чтобы сделать формулировку статьи 49(1)(a) более сжатой. Вместе с тем Специальный докладчик считает, что в целом в статье 49 достигнут определенный баланс, *de lege ferenda*, между коллективной заинтересованностью в уважении основных ценностей сообщества и параллельной заинтересованностью в том, чтобы не поощрять увеличение числа споров. По его мнению, причины для основополагающей переработки статьи 49 приведены не были.

IV. «Серьезные нарушения обязательств перед международным сообществом в целом»: Часть вторая, глава III

43. В отличие от этого, вопросы, поднятые в главе III Части второй, продолжают вызывать разногласия, как и в прежнем контексте статьи [19]. Целый ряд правительств (Франции, Японии, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов) продолжает решительно выступать за полное исключение главы III, которую одно из правительств остроумно

⁵¹ Cf. *United States Diplomatic and Consular Staff in Tehran, I.C.J. Reports 1980*, p.43 (para. 92).

⁵² Такое предложение по-прежнему позволяло бы учитывать парадигму, которую предполагалось охватить пунктом (a), например заинтересованность Эфиопии и Либерии в выполнении Южной Африкой ее обязательств в качестве мандатария Юго-Западной Африки: *Second South West Africa Cases. I.C.J. Reports 1966*, p. 6. См. третий доклад, A/CN.4/507, пункты 85, 92.

охарактеризовало как главу, в которой все еще обретается призрак «международных преступлений». По мнению этих правительств, серьезность нарушения обязательства не является вопросом характера нарушения, а его степени, и градации серьезности можно учесть другими способами. Кроме того, расплывчатость и селективность характера статей 41 и 42 ставят под сомнение их полезность. Они, по крайней мере, не могут, по мнению этих государств, рассматриваться как отражающие общее международное право. Это представляется серьезным дефектом текста, который может быть облечен лишь в форму не обязательного документа. Эти правительства предлагают альтернативный вариант в форме общего исключаящего положения при сохранении выработки более строгих форм ответственности за серьезные нарушения международного права⁵³.

44. С другой стороны, была выражена поддержка главе III. По мнению Дании (от имени стран Северной Европы),

«Терминология не является важнейшим вопросом, хотя слово «преступление» в контексте ответственности государств может создавать направительные представления. Важнейшим вопросом является то, что некоторые нарушения, такие, как агрессия и геноцид, представляют собой такое оскорбление международного сообщества в целом, что их необходимо отделить от других нарушений, как это делается в законах войны, где проводится различие между «нарушениями» и «тяжкими нарушениями»... Таким образом, страны Северной Европы по-прежнему поддерживают идею проведения различия также и в контексте ответственности государств, и мы согласны с представляемым в настоящее время решением в главе III Части второй»⁵⁴.

Другие правительства (например, Австрия⁵⁵, Нидерланды⁵⁶, Словакия⁵⁷) также поддерживают отраженный в главе III компромисс на том основании, что ее основные положения представляются разумными и не создают излишней нагрузки на третьи страны. Глава III, по их мнению, является ценой, которую стоит заплатить за исключение бывшей статьи [19].

45. Прежде чем рассматривать общую проблему, порождаемую главой III Части второй, представляется необходимым уточнить масштаб одного из явных последствий, упомянутых в статье 42. Как сторонники, так и оппоненты главы III согласны с тем, что возмещение убытков, отражающее тяжесть нарушения, как предусматривается в статье 42(1), нельзя равнять с возмещением убытков, присуждаемым в порядке наказания. Широко распространено мнение о том, что такое возмещение убытков не разрешается по международному праву. Однако некоторые государства истолковывают статью 42(1) как позволяющую присуждать возмещение убытков в порядке наказания. Специальный докладчик не истолковывает пункт 1 таким образом. Этот пункт скорее разрешает присуждать возмещение убытков, отражающее

⁵³ Аналогичные мнения были также выражены в ходе прений в Шестом комитете Сьерра-Леоне и Индией: см. Тематическое резюме... (A/CN.4/513), пункты 89–94.

⁵⁴ Комментарии и замечания... (A/CN.4/515); см. также Испания, там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же («хороший компромисс при дополнительном преимуществе, состоящем в том, что данная формулировка не ставит под угрозу то, что было согласовано»).

⁵⁷ Там же («обнадеживающий шаг в правильном направлении»).

тяжесть нарушения, что не является тем же самым. Даже в контексте меньшего вреда можно учесть такие факторы, как серьезность нарушения, к примеру, при оценке компенсации за моральный ущерб. Представляется особенно правильным делать это в случае серьезных нарушений обязательств перед международным сообществом в целом. Возмещение ущерба, назначаемое в порядке наказания, с другой стороны, является таким возмещением ущерба, которое либо произвольно увеличивается или, по крайней мере, умышленно повышается, с тем чтобы заклеймить или наказать ответчика. Это не является целью пункта 1.

46. Что касается общего вопроса, то Специальный докладчик в своем первом докладе стремился привести доводы против отдельной категории международно противоправного деяния для целей Части первой, особенно в отношении той, которая названа «международное преступление»⁵⁸. Такой подход, по его мнению, отражает неправильное понимание идеи обязательств перед международным сообществом в целом, составляющих сердцевину этой идеи и ее самое существенное обоснование. Представляется значимым, что никто еще не приводил доводов в пользу иного свода норм для определения «уголовной ответственности государства», например в сфере атрибуции или оправданий, не говоря уже в пользу системы, закрепляющей минимальные гарантии должного процесса. Как свод, так и система общеприняты в правовых системах для целей проведения различия между уголовной и деликтной ответственностью. По этим и иным причинам пока еще нет основы для такого различия в международном праве. Исключение статьи [19] и само очень широкое согласие в Шестом комитете с этим исключением отражают таким образом реальный шаг вперед.

47. В то же время понятие обязательств перед международным сообществом в целом — обязательств, нарушение которых будет определяться в соответствии с общими нормами в Части первой, — имеет особое значение. Геноцид, агрессия, апартеид, насильственный отказ в самоопределении представляют собой противоправные деяния, которые «шокируют человечество»⁵⁹, и представляется правильным отразить это в аспекте последствий, связанных с их нарушением. Представляется несомненно справедливым, что другие нарушения международного права могут иметь особенно серьезные последствия в зависимости от обстоятельств. Понятие серьезных нарушений основополагающих норм ничем не умаляет этой возможности, и в этой степени последствия, о которых идет речь в статье 42, являются показательными и неисключающими. Тем не менее, они, по мнению Специального докладчика, являются надлежащими, по крайней мере *de lege ferenda*. Они обладают еще и тем дополнительным достоинством, что они, как представляется, пользуются широкой поддержкой в Комиссии в качестве основы для принятия текста путем консенсуса. Хотя бы уже даже по этой причине следует сохранить главу III.

48. В то же время обе статьи, образующие главу III, подверглись серьезной критике даже со стороны тех, кто поддерживает их сохранение в принципе⁶⁰. Эти критические высказывания сводились к следующему:

⁵⁸ См. первый доклад, A/CN.4/490, пункты 43–101.

⁵⁹ *Reservations to the Genocide Convention, I.C.J. Reports 1951*, p. 23.

⁶⁰ См. приложение к настоящему докладу, примечания к статьям 41 и 42.

- предлагаемое определение изобилует расплывчатыми терминами, такими, как «важнейшее», «серьезное» и т.д.;
- термин «серьезное» необходим не всегда; так, агрессия или геноцид по определению будут «серьезными»;
- требуется обосновать и объяснить взаимосвязь между «основными интересами» (статья 41), «существенными интересами» (статья 26) и «коллективными интересами» (статья 49);
- имеются различия в формулировках статьи 49 («установлено в целях защиты какого-либо коллективного интереса») и статьи 41 («имеющего важнейшее значение для защиты...»);
- в комментарии следует разъяснить, каким образом следует оценивать «риск причинения существенного вреда»;
- хотя в статье 41(1) указывается, что глава применяется к «международной ответственности, которая вытекает из» серьезного нарушения, как оно определено, статья 42 фактически в основном ориентирована на «обязательства» третьих государств, хотя эти обязательства определены расплывчато.

В более общем смысле Китай, поддерживая исключение статьи [19], отмечает, что «в настоящем тексте по-прежнему остаются вопросы принципиального характера» как с точки зрения определения концепции, так и ее последствий. Он призывает к тому, чтобы в комментарии были даны «необходимое определение и уточнение»⁶¹. По крайней мере одно правительство высказало также мысль о необходимости уточнить связь между обязательствами, охватываемыми статьей 41, и обязательствами *erga omnes* или императивными нормами.

49. Прежде чем обратиться к вопросам формулировки и дефиниции, представляется уместным добавить несколько слов в отношении этого фундаментального вопроса⁶². Сердцевиной статьи 41 является понятие обязательства перед международным сообществом в целом, которое иначе именуется как обязательство *erga omnes*. Это понятие, наметки которого были сделаны Международным Судом в рамках дела «Барселона трэкин» и его последующих решений⁶³. Во избежание путаницы предпочтительнее употреблять термин «*erga omnes*» в переводе с латинского языка, поскольку Международный Суд несколько раз употреблял этот термин в ином значении⁶⁴.

⁶¹ Комментарии и замечания... (A/CN.4/515).

⁶² См. также третий доклад, A/CN.4/507, пункты 2, 106. Этот вопрос также тщательно рассматривается в первом докладе Группы КМП (2000 год) (см. сноску 6 выше), пункты 134–161.

⁶³ См. *Barcelona Traction Case (Second Phase)*, I.C.J. Report 1970, pp. 32–33 (paras. 33–34); *Namibia Opinion*, I.C.J. Reports 1971, p. 56 (para. 126); *Case concerning East Timor*, I.C.J. Reports 1995, p. 102 (para. 29); *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide. Bosnia and Herzegovina v. Yugoslavia (Preliminary Objections)*, I.C.J. Report 1996, p. 626 (para. 4), p. 628 (para. 6).

⁶⁴ Так, в делах *о ядерных испытаниях* Суд ссылаясь на заявление президента Франции как «сделанное публично и *erga omnes*», I.C.J. Report 1974, p. 269 (para. 50); там же, p. 474 (para. 52). Он имел в виду, что это заявление было сделано «всему миру», там же, p. 269 (para. 51); там же, p. 474 (para. 53).

Для настоящих целей Комиссии не обязательно в целом рассматривать взаимосвязи между императивными нормами и обязательствами перед международным сообществом в целом. Тем не менее, следует отметить два аспекта. Во-первых, между ними существует по крайней мере значительная сфера совпадения, поскольку имеется согласие в отношении того, что лишь немногие нормы международного права могут считаться императивными или порождают обязательства перед международным сообществом. Таким образом, даже если они не являются различными аспектами одной лежащей в основе идеи, они в существенной мере накладываются друг на друга. Во-вторых, существует различие в акценте. В контексте императивных норм акцент делается на самой первичной норме и ее неумалимом или приматном статусе. Это соответствует контексту действительности договоров и в равной степени положениям статьи 21 настоящего текста. В отличие от этого, в обязательствах перед международным сообществом акцент делается на универсальности обязательства и лицах или образованиях, перед которыми существует такое обязательство, в конкретном плане на всех государствах и прочих правосубъектах, являющихся членами этого сообщества. Поскольку глава III касается последствий нарушения так же, как статья 49 — ссылки на ответственность со стороны других государств, правильным является второй термин, т.е. обязательства перед международным сообществом в целом.

50. Как это отмечалось, в главе III, безусловно, имеются трудности редакционного характера. С точек зрения статей 43 и 49 глава нуждается в пересмотре в целом Редакционным комитетом с целью достижения большей последовательности. К примеру, представляется неясным, почему фраза «имеющего важнейшее значение для защиты его основных интересов» необходима в статье 41, однако отсутствует в статье 49. По мнению Специального докладчика, лишь обязательства, имеющие важнейшее значение, можно было бы рассматривать как обязательства перед международным сообществом в целом, и добавление слов в статье 41 лишь создает достойные сожаления импликации *a contrario*.

51. Проблемы редакционного характера и проблемы дефиниции в главе III, безусловно, реальны. Однако их надо рассматривать в контексте того, какая цель ставится для достижения в этой главе, а также в контексте принципов, лежащих в основе текста в целом. Как проницательно заметили Нидерланды,

«следует дополнительно рассмотреть определение «серьезных нарушений» в статьях 41 и 42, в их названиях и в названии главы III Части второй, в которой помещены соответствующие статьи. КМП следует согласовать различные дефиниции. Нидерланды также отмечают, что примеры, приведенные в предыдущей статье 19 в целях иллюстрации значения международного преступления, не были использованы для иллюстрации соответствующего понятия «серьезные нарушения». Это вызывает сожаление, поскольку примеры ясно иллюстрировали термин «международное преступление», от которого в настоящее время отказались. В настоящее время остались лишь рамки, в результате чего придется многое заполнять с помощью прецедентного права и развития права в целом. В то же время Нидерланды понимают желание

Специального докладчика исключить все элементы текста, не имеющие связи со вторичными нормами, и перенести их в комментарий»⁶⁵.

К этому можно добавить замечание о том, что при определении актов крайней бесчеловечности точность не является единственной ценностью.

52. По мнению Специального докладчика, глава III является действительно основой для прогрессивного развития, в рамках узкой направленности, концепции, которая является или должна являться широко приемлемой. С одной стороны, в ней не ставятся под сомнение устоявшиеся понимания условий ответственности государств (Часть первая). С другой стороны, в ней признается возможность грубых нарушений обязательств перед сообществом в целом, нарушений, которые заслуживают какой-то реакции со стороны сообщества и его членов. Что касается индивидуальных реакций, то обязательства, налагаемые статьей 42(2), не являются строгими. Самое важное, то, которое связано с непризнанием, является тем единственным элементом статьи 42, который уже, как можно говорить, отражает общее международное право⁶⁶. При условии того, что в тексте или в комментарии ясно дается понять, что обязательства в статье 42(2) не являются ни исчерпывающими, ни исключительными, их содержание, как представляется, является общеприемлемым.

53. Специальный докладчик соответственно рекомендует сохранить главу III, проведя при этом тщательный обзор ее содержания в свете замечаний правительств, в частности для того, чтобы обеспечить соответствие с положениями статей 21, 26, 43 и 49.

V. Контрмеры: Часть вторая бис, глава II

54. Третья сфера, вызывающая общую озабоченность, касается рассмотрения контрмер в главе II Части второй бис. Озабоченность возникает по целому ряду аспектов. Первый касается либо вообще включения контрмер в текст, либо их включение в контексте имплементации. Второй связан с вопросом «коллективных» контрмер в статье 54, которая озаглавлена «Контрмеры со стороны других государств, помимо потерпевшего государства». И третий касается формулировки остальных статей, особенно статей 51 и 53.

55. Прения по этим вопросам в Шестом комитете вновь показали их крайне чувствительный характер и наличие у многих, особенно развивающихся стран, но отнюдь не только у них, озабоченности в отношении опасности злоупотреблений⁶⁷. Некоторые правительства считают, что опасность легитимизации контрмер путем их регулирования настолько велика, что главу II следует исключить⁶⁸. По крайней мере одно правительство выступило за то, чтобы контрмеры были полностью запрещены⁶⁹. Объединенная

⁶⁵ Комментарии и замечания... (A/CN.4/515).

⁶⁶ См. *Namibia Opinion, I.C.J. Report 1971*, p. 54 (para. 118), p. 56 (para. 126).

⁶⁷ Резюме прений в Шестом комитете по контрмерам, см. Тематическое резюме... (A/CN.4/513), пункты 144–182.

⁶⁸ Куба, A/C.6/55/SR.18, пункт 61; Индия, A/C.6/55/SR.15, пункт 29; Мексика, A/C.6/55/SR.20, пункты 37 и 38.

⁶⁹ Греция, A/C.6/55/SR.17, пункт 85.

Республика Танзания предупредила, что свойственная статьям тенденция заключается «прежде всего в легитимизации [контрмер] путем разработки правовых норм ответственности государств на основе западной практики»; с другой стороны, в своей позиции она не доходит до поддержки исключения этих статей, заявляя вместо этого, что «было бы предпочтительным, чтобы Комиссия отказалась от поощрения контрмер путем их ограничения вместо того, чтобы оставлять возможности их широкого применения и злоупотребления ими»⁷⁰.

56. В отличие от этого, целый ряд правительств высказал мнение о том, что статьи в главе II налагают необоснованные и произвольные ограничения на применение контрмер. В частности, эти правительства по-прежнему весьма критически относятся к процедурным условиям принятия контрмер, содержащимся в статье 53. Они видят решение в исключении ссылки на эту главу и включении некоторых элементов в статью 23⁷¹.

57. С другой стороны, многие правительства — явное большинство из тех, кто прокомментировал главу II, — согласились с тем, что контрмеры нужны в тексте, и большей частью поддержали остальные формулировки статьи как с точки зрения их существа, так и процедуры⁷².

58. Следует отметить, что глава II по большинству аспектов не расходится с главой III Части второй, принятой в первом чтении⁷³. В частности, статья 53 следует общему характеру компромисса в бывшей статье [48], хотя и с некоторыми уточнениями формулировок⁷⁴. В главу действительно были включены некоторые изменения. К ним относятся: а) более значительный

⁷⁰ Объединенная Республика Танзания, A/C.6/55/SR.14, пункты 45–49. См. также, например, Исламская Республика Иран, A/C.6/55/SR.15, пункт 13; Алжир, A/C.6/55/SR.18, пункты 2, 3, 8.

⁷¹ Такую позицию заняли, в частности, Соединенные Штаты (A/C.6/55/SR.18, пункты 68–70) и Соединенное Королевство (A/C.6/55/SR.14, пункт 33), которую они повторили в своих письменных замечаниях: см. Комментарии и замечания... (A/CN.4/515). В своих письменных замечаниях Япония высказала аналогичную идею: там же.

⁷² В прениях в Шестом комитете к их числу относились: Аргентина, A/C.6/55/SR.15, пункты 65–66; Бразилия, A/C.6/55/SR.18, пункты 64 и 65; Чили, A/C.6/55/SR.17, пункт 48; Китай, A/C.6/55/SR.14, пункты 38 и 39 (подчеркнувший при этом необходимость дальнейшего совершенствования); Коста-Рика, A/C.6/55/SR.17, пункт 64; Хорватия, A/C.6/55/SR.16, пункт 72; Куба, A/C.6/55/SR.18, пункты 60, 62; Дания (от имени стран Северной Европы), A/C.6/55/SR.15, пункт 58; Египет, A/C.6/55/SR.16, пункт 33; Франция, A/C.6/55/SR.15, пункт 10; Венгрия, A/C.6/55/SR.16, пункт 57; Италия, A/C.6/55/SR.16, пункт 26; Иордания, A/C.6/55/SR.18, пункты 15 и 16; Новая Зеландия, A/C.6/55/SR.16, пункт 7; Польша, A/C.6/55/SR.18, пункт 48; Сьерра-Леоне, A/C.6/55/SR.16, пункт 51; Словакия, A/C.6/55/SR.16, пункт 66; Южная Африка, A/C.6/55/SR.14, пункт 24 (от имени членов Сообщества по вопросам развития стран юга Африки); Испания, A/C.6/55/SR.16, пункт 16; Швейцария, A/C.6/55/SR.18, пункт 81. См. также письменные замечания Китая, Дании (от имени стран Северной Европы), Нидерландов, Словакии и Испании: Комментарии и замечания... (A/CN.4/515).

⁷³ Рассмотрение контрмер Специальным докладчиком Аранхио Руисом, см. *Yearbook... 1991*, vol. II (Part One), A/CN.4/440 and Add.1, pp. 1–35; *Yearbook... 1992*, vol. II (Part One), A/CN.4/444 and Add.1–3, pp. 1–49. Рассмотрение нынешним Специальным докладчиком, см. второй доклад, A/CN.4/498/Add.4, пункты 357–392; третий доклад, A/CN.4/507, пункты 285–367, 386–405.

⁷⁴ Предложения Специального докладчика по данному вопросу, см. третий доклад, A/CN.4/507/Add.3, пункты 355–360, 367.

акцент на обратимость контрмер; b) уточнения в бывшей статье [50], касающейся запрещенных контрмер; c) прямое положение о контрмерах со стороны государств, помимо потерпевшего государства (статья 54); d) новая статья (статья 55), касающаяся прекращения контрмер; и e) отказ от связи между принятием контрмер и урегулированием споров. Пункты (a) и (d) в целом приветствовались и, как представляется, не вызывают проблем; пункт (e) был уже обсужден⁷⁵. Что касается пункта (b), то статья 51 (бывшая [50]) нуждается в дополнительном рассмотрении.

59. Наиболее спорным изменением в главе II является пункт (c), т.е. включение статьи 54. Вместе с тем следует отметить, что ее следствием является сокращение той степени, в которой контрмеры можно принимать в интересах сообщества, по сравнению с текстом, принятым в первом чтении (статья [47] вместе со статьей [40]). Возможно, что отделение статьи [47] от статьи [40] и запутанный характер определения «потерпевшего государства» в статье [40] помешали правительствам сфокусировать свое внимание на этой проблеме. Теперь дело обстоит иначе.

60. По мнению Специального докладчика, не может быть вопроса об исключении статьи 23, которая являлась частью текста на протяжении более чем 20 лет и подтверждена Международным Судом в деле *Габчикова–Надьямарош*. Нельзя также, по его мнению, просто предусмотреть в статье 23 контрмеры как имеющиеся у государств по международному праву без оговорки или условия (как и нельзя предусмотреть в ней безусловное наличие необходимости или форс-мажора). При таком положении фактически имеются три варианта:

- *Исключение главы II с соответствующими добавлениями в статью 23.* В статье 23 признается, что принятие правомерных контрмер в ответ на нарушение исключает ответственность государства, принимающего эти контрмеры⁷⁶. В настоящее время (и довольно незлегантно) в статье 23 содержится ссылка на главу II Части второй бис в отношении условий принятия контрмер. Они могли бы быть включены в целом или в своей значительной части в статью 23, в которой таким образом излагался бы режим контрмер, как это делается в статье 26 в отношении необходимости⁷⁷.

⁷⁵ См. пункт 10 выше.

⁷⁶ Отмечалось, что обстоятельством, исключающим противоправность, является продолжение противоправного деяния государства-объекта, что оправдывает контрмеру; это уточнение учитывается в формулировке статьи 23.

⁷⁷ Пересмотренный вариант статьи 23 мог бы гласить:

«1. Противоправность деяния государства, не соответствующего его международным обязательствам, исключается, если и в той мере, насколько это деяние является правомерной контрмерой в отношении государства, несущего ответственность за международно противоправное деяние, с тем чтобы побудить это государство выполнить его обязательства по этим статьям.

2. Контрмеры должны быть соразмерными.

3. Контрмеры не должны быть связаны с угрозой силой или ее применения вопреки Уставу Организации Объединенных Наций или с любым другим нарушением императивной нормы общего международного права».

(Предложение Соединенного Королевства.)

- *Сохранение главы II с редакционными усовершенствованиями.* В ином варианте главу II можно было бы сохранить с условием внесения уточнений и редакционных усовершенствований.
- *Сохранение главы II лишь в той части, которая касается контрмер со стороны потерпевшего государства.* В-третьих, споры вокруг статьи 54 можно было бы урегулировать путем исключения этой статьи и рассмотрения лишь контрмер со стороны потерпевшего государства. Потребовалось бы рассмотреть вопрос о необходимости исключаящего положения применительно к ситуациям, в настоящее время охватываемым статьей 54.

Специальный докладчик считает, что для всей Комиссии выбор одного из этих трех вариантов является по существу вопросом политики. Факторы, которые предстоит учесть, включают в себя общую сбалансированность в конечном итоге согласованного текста, предлагаемую форму проекта статьи и прогнозы вероятной реакции Шестого комитета на текст с главой II или без нее.

61. Для помощи Комиссии в определении этого выбора предлагается обсудить замечания правительств и других сторон в отношении конкретных статей в их нынешней формулировке. Ниже рассматриваются лишь вопросы основного принципа; конкретные редакционные предложения изложены в приложении к настоящему докладу.

Статья 50

Цель и ограничения контрмер

62. Это положение пользовалось в определенной мере поддержкой и по нему было высказано лишь ограниченное число замечаний⁷⁸. В приложении к настоящему докладу кратко излагается целый ряд конкретных редакционных предложений. В них, как представляется, не поднимаются принципиальные вопросы в отношении этой статьи в целом.

Статья 51

Обязательства, не затрагиваемые контрмерами

63. В статье 51(1) устанавливаются пять ограничений на принятие контрмер. В статье 51(2) ясно указывается, что принимающее контрмеры государство должно выполнить свое обязательство в рамках процедур урегулирования спора, действующих между ним и государством-объектом, и это положение не вызывает расхождений во мнениях. Этого нельзя сказать в отношении пункта 1.

64. В то время, как некоторые государства поддерживали статью 51(1)⁷⁹, другие правительства подняли вопросы о ее общей структуре или о конкретных

⁷⁸ В ходе прений в Шестом комитете целый ряд правительств высказал общую поддержку в отношении статьи 50: Новая Зеландия, A/C.6/55/SR.16, пункт 8; Венгрия, A/C.6/55/SR.16, пункт 57; Хорватия, A/C.6/55/SR.16, пункт 72; Дания (от имени стран Северной Европы), A/C.6/55/SR.15, пункт 58.

⁷⁹ См., например, Алжир, A/C.6/55/SR.18, пункт 4; Бразилия, A/C.6/55/SR.18, пункт 64; Чили, A/C.6/55/SR.17, пункт 49; Коста-Рика, A/C.6/55/SR.17, пункт 65; Германия, A/C.6/55/SR.14, пункт 56; Венгрия, A/C.6/55/SR.16, пункт 57; Индия, A/C.6/55/SR.15, пункт 29; Ирак, A/C.6/55/SR.16, пункт 36; Италия, A/C.6/55/SR.16, пункт 26; Испания,

включениях или исключениях⁸⁰. Основная проблема заключается в том, что в перечне в статье 51, как представляется, не отражено никакого ясного принципа. Существует согласие в отношении того, что контрмеры могут быть не связаны с применением силы в нарушение Устава Организации Объединенных Наций или с каким бы то ни было другим нарушением императивной нормы⁸¹. В той степени, в которой «основные права человека» можно считать императивными, они охватываются подпунктом (d); однако представляется спорным, насколько это справедливо, и фраза «основные права человека» не имеет никакого устоявшегося значения. Следует, безусловно, вводить в действие запреты относительно репрессалий, содержащихся в различных документах в области гуманитарного права, позаимствованных из статьи 60(5) Венской конвенции. Однако дело обстоит именно так, независимо от императивности любого конкретного запрета. Такие запреты напрямую касаются вопроса репрессалий и не должны действовать в отношении государств-участников в силу принципа *lex specialis*⁸². Ввиду их важности, безусловно, есть основания для ссылки на них в статье 51. Однако это следует сделать в ясных выражениях, с тем чтобы включить их все⁸³. Что касается пункта 1(e) (неприкосновенность дипломатических агентов, архивов и документов), то вопрос состоит в том, почему это конкретное неимперативное исключение включено, а другие нет⁸⁴. В целом Специальный докладчик склоняется к тому, чтобы согласиться с замечанием о том, что:

A/C.6/55/SR.16, пункт 16. См. также письменные замечания Испании: Комментарии и замечания... (A/CN.4/515).

⁸⁰ См. письменные замечания Соединенного Королевства (предлагающего единую неисчерпывающую формулу, отраженную в комментарии) и Соединенных Штатов Америки (предлагающих ее полное исключение). См. Комментарии и замечания ... (A/CN.4/515).

⁸¹ Соединенные Штаты выражают согласие, однако рассматривают этот вопрос как охватываемый самим Уставом: там же.

⁸² Разумеется, это будет справедливо лишь настолько, насколько принимающее контрмеры государство связано запретом либо по общему международному праву, либо по договору. Целый ряд государств (Германия, Италия, Соединенное Королевство) сделали оговорки к этим положениям. К примеру, Германия и Италия оставили за собой право «реагировать на серьезные и систематические нарушения нарушителем обязательств, налагаемых Дополнительным протоколом I, и в частности его статьями 51 и 52, всеми допустимыми по международному праву средствами, с тем чтобы предупредить любое дальнейшее нарушение». Оговорку Соединенного Королевства см. в сноске 98 ниже.

⁸³ Директор Группы международных стандартов Отдела культурного наследия ЮНЕСКО указал, что формулировка подпункта (с), как представляется, не охватывает запрет на контрмеры, касающиеся культурных ценностей, изложенный в Гаагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта от 14 мая 1954 года, статья 4(4), и подтвержденный в статье 53(с) Дополнительного протокола I от 1977 года: письмо секретарю КМП от 23 января 2001 года. Такого намерения не было. Однако представляется неясным, является ли это «запретом гуманитарного характера». Этот вопрос следует еще раз рассмотреть Редакционному комитету.

⁸⁴ Так, некоторые правительства выступали за повторное включение бывшего запрета на «крайнее экономическое или политическое принуждение»: Объединенная Республика Танзания, A/C.6/55/SR.14, пункт 49; Исламская Республика Иран, A/C.6/55/SR.15, пункт 13; Гватемала, A/C.6/55/SR.15, пункт 43. Другие (например, Испания, A/C.6/55/SR.16, пункт 16; Комментарии и замечания... (A/CN.4/515)) правильно отметили, что этот вопрос охватывается статьей 52 (соразмерность). Некоторые правительства выступали за запреты на поведение, которое «могло бы подорвать суверенитет, независимость или территориальную целостность государств» (Алжир, A/C.6/55/SR.18,

«Комиссии следует тщательно рассмотреть этот перечень. Поскольку цель этих положений должна состоять в том, чтобы способствовать разрешению споров, а не усложнять их, следует избегать расплывчатости и дублирования»⁸⁵.

Статья 52

Соразмерность

65. В принципе статья 52 получила общее одобрение, хотя по-прежнему делаются замечания в отношении ее точной формулировки. Один из вопросов состоит в том, следует ли принимать во внимание при определении соразмерности элемент необходимости при принятии контрмер, который можно было бы именовать как «побудительный фактор»⁸⁶. По мнению Специального докладчика, этот элемент имплицитно присутствует в статье 50, в которой определяется цель контрмер. Цель статьи 52 состоит в том, чтобы установить ограничение в любом конкретном случае на основе соображений соразмерности. Это было сделано Международным Судом в деле, касающемся проекта *Габчиково-Надьямарош*, в той формулировке, которая в настоящее время отражена в тексте⁸⁷. Вместе с тем несколько правительств предпочли традиционную формулировку соразмерности⁸⁸ или отсутствия соразмерности⁸⁹. Одно из правительств сформулировало критерий, сводящийся к применению наименее строгой меры, необходимой для обеспечения выполнения⁹⁰.

66. По мнению Специального докладчика, представляется несомненным, что требование соразмерности является частью устоявшегося права, касающегося контрмер, и его необходимо включить в текст. Вопрос лишь в формулировке, которую может рассмотреть Редакционный комитет в свете сделанных замечаний.

Статья 53

Условия, связанные с применением контрмер

67. В главе II статья 53 продолжает создавать наибольшее число проблем, как и в ходе первого чтения. Особые проблемы возникают в связи с пунктом 1 (обязанность вести переговоры) и пунктом 5 (обязанность приостанавливать контрмеры в ходе урегулирования спора). С одной стороны, правительства продолжают выражать озабоченность по поводу возможности односторонних решений со стороны государства, принимающего контрмеры⁹¹. С другой

пункт 4; ср. также Чили, A/C.6/55/SR.17, пункт 49). Республика Корея желала особой защиты «обязательств по охране природной окружающей среды от крупномасштабного, долговременного и серьезного ущерба»: Комментарии и замечания... (A/CN.4/515).

⁸⁵ Соединенное Королевство, A/C.6/55/SR.14, пункт 34.

⁸⁶ Ср. Япония, A/C.6/55/SR.14, пункт 69.

⁸⁷ Как с одобрением было отмечено Нидерландами: Комментарии и замечания... (A/CN.4/515). С другой стороны, Республика Корея предпочла критерий «последствия международно-противоправного деяния для потерпевшего государства»: там же.

⁸⁸ Соединенные Штаты тщательно проанализировали эту часть текста и предложили иную формулировку: Комментарии и замечания... (A/CN.4/515).

⁸⁹ Дания (от имени стран Северной Европы), A/C.6/55/SR.15, пункт 59.

⁹⁰ Колумбия (Группа Рио), A/C.6/55/SR.23, пункт 4.

⁹¹ Например, Чили, A/C.6/55/SR.17, пункт 50; Хорватия, A/C.6/55/SR.16, пункт 72; Греция,

стороны, процедурные условия, установленные в статье 53, подвергались решительной критике как не имеющие основания в международном праве и излишне громоздкие и ограничительные⁹². По мнению оппонентов контрмер, статья 53 не достаточна, а по мнению их сторонников, она заходит слишком далеко.

68. Несомненно, не следует преувеличивать эту ситуацию. Некоторые правительства поддерживали требование о предварительных переговорах при возможности «временных и безотлагательных» контрмер.⁹³ Однако другие посчитали это различие искусственным и нереальным⁹⁴. Еще другие правительства выступали за то, что никаких контрмер не следует принимать, пока ведутся переговоры⁹⁵; прочие, как представляется, отвергали даже классическую необходимость предварительного требования (*sommatum*). Есть признаки того, что обсуждение все еще поляризовано.

69. В принципиальном смысле представляется ясным, что государство не должно быть способным принимать контрмеры, за исключением тех, которые необходимы для поддержания статус-кво, прежде чем требовать от несущего ответственность государства выполнить свои обязательства. Требование о том, чтобы оно сначала сделало это, было подчеркнуто как Арбитражным трибуналом по делу *Air Services Arbitration*⁹⁶, так и Международным Судом в деле *Габчикова-Надьямарош*⁹⁷. Это также, как представляется, отражает общепринятую практику⁹⁸. С другой стороны, ясно, что принятие контрмер не

A/C.6/55/SR.17, пункты 85 и 86.

⁹² Например, Соединенное Королевство, A/C.6/55/SR.14, пункты 35 и 36; Соединенные Штаты, A/C.6/55/SR.18, пункт 69. Несколько правительств высказали мнение о том, что бремя инициации переговоров должно лежать на несущем ответственность государстве, а не государстве, принимающем контрмеры: Чили, A/C.6/55/SR.17, пункт 50; Республика Корея, A/C.6/55/SR.19, пункт 74.

⁹³ Бразилия, A/C.6/55/SR.18, пункт 64; Камерун, A/C.6/55/SR.24, пункт 60; Дания (от имени стран Северной Европы), A/C.6/55/SR.15, пункт 59; Германия, A/C.6/55/SR.14, пункт 55. См. также Коста-Рика, A/C.6/55/SR.17, пункт 65 (однако исключая нарушения императивных норм); Индия, A/C.6/55/SR.15, пункт 29.

⁹⁴ Венгрия, A/C.6/55/SR.16, пункт 58; Япония, A/C.6/55/SR.14, пункт 68.

⁹⁵ Например, Бахрейн, A/C.6/55/SR.19, пункт 86; Греция, A/C.6/55/SR.17, пункт 85.

⁹⁶ (1979) 54 *ILR* 338–339 (paras. 85–87).

⁹⁷ *I.C.J. Reports 1997*, p. 56 (para. 84).

⁹⁸ В этой связи можно отметить оговорку Соединенного Королевства к статьям 51–55 Дополнительного протокола I (1977), в которой отчасти предусматривается:

«... если противная сторона совершает серьезные и умышленные нападения в нарушение статей 51 или 52 на гражданское население или гражданских лиц или на гражданские объекты или, в нарушение статей 53, 54 и 55, объекты или предметы, защищаемые этими статьями, то Соединенное Королевство будет считать себя имеющим право принять иным образом запрещенные статьями меры, о которых идет речь, в той степени, в которой оно считает такие меры необходимыми для единственной цели принуждения противной стороны к прекращению совершения нарушений по этим статьям, однако лишь после того, как официальное предупреждение противной стороне прекратить нарушения было проигнорировано, и лишь после принятия решения на самом высоком уровне правительства. Любые принятые Соединенным Королевством таким образом меры не будут несоразмерными нарушениям, вызвавшим их, и не будут связаны с каким бы то ни было действием, запрещенным Женевскими конвенциями 1949 года, а также такие меры не будут продолжаться после прекращения нарушений. Соединенное Королевство уведомит державы, обеспечивающие защиту, о любом официальном предупреждении, данном противной стороне, и, если такое

может в разумной степени быть отложено до тех пор, пока переговоры не будут прерваны. В своем Третьем докладе Специальный докладчик пришел к выводу о том, что в статье [48] должны быть отражены следующие позволяющие сохранить сбалансированность элементы:

а) до принятия контрмер необходимо, чтобы к несущему ответственность государству было обращено требование выполнить его обязательства и оно не выполнило их или отказалось от их выполнения;

б) контрмеры не должны запрещаться в ходе переговоров; различие, принятое в ходе первого чтения между «временными» и прочими мерами, следует сохранить, однако в более ясной формулировке;

с) контрмеры должны приостанавливаться в том случае, когда спор добросовестно представляется на третейское урегулирование и нарушение не носит характер продолжающегося⁹⁹.

Это в широком смысле та система, которую принял Редакционный комитет в теперешней статье 53. Однако следует сразу признать, что различие между безотлагательными и определенными контрмерами не соответствует существующему международному праву¹⁰⁰. Оно было разработано в ходе первого чтения в порядке компромисса между резко противоположными позициями в отношении переговоров, приводящих к приостановлению¹⁰¹. Различие носит больше характер ориентира для применения принципов необходимости и соразмерности в конкретном случае, нежели отдельного требования. Помимо вопросов дефиниций, здесь есть также и практические трудности. К примеру, отмечалось, что простое согласие передать спор на арбитраж не может требовать какого бы то ни было приостановления контрмер, поскольку пока суд не создан и не в состоянии рассматривать спор, не поможет даже полномочие распорядиться в отношении временных мер обязательного характера¹⁰². Таким образом, даже если различие между временными и иными мерами будет сохранено, есть хорошее основание для повторного рассмотрения этого аспекта статьи 53(5).

Статья 54

Контрмеры со стороны других государств, помимо потерпевшего государства

70. В статье 54 рассматривается принятие контрмер со стороны государств, упомянутых в статье 49, т.е. государств, помимо потерпевшего государства. Она касается довольно исчерпывающим образом двух различных ситуаций. Первая ситуация связана с контрмерами, принимаемыми государством по

предупреждение игнорируется, о любых принятых в результате мерах».

⁹⁹ Третий доклад, A/CN.4/507/Add.3, пункт 360.

¹⁰⁰ Как отмечается, например, Италией, A/C.6/55/SR.16, пункт 27; Соединенным Королевством, A/C.6/55/SR.14, пункт 36. Соединенное Королевство заявляет, что такое требование может помешать государству согласиться на третейское урегулирование: там же.

¹⁰¹ См. *Yearbook... 1996*, vol. I, pp. 171–176.

¹⁰² См. Соединенные Штаты, A/C.6/55/SR.18, пункт 69; Коста-Рика, A/C.6/55/SR.17, пункт 65. Это является основой для юрисдикции в отношении временных мер Международного трибунала по морскому праву в период до образования арбитража: см. Конвенцию Организации Объединенных Наций по морскому праву, статья 290(5).

статье 49 «по просьбе и от имени любого государства, потерпевшего от нарушения» (пункт 1). Вторая ситуация касается контрмер, принятых в ответ на серьезные нарушения, охватываемые главой II Части третьей (пункт 2). В пункте 3 речь идет о координации контрмер, принятых более чем одним государством. Представляется очевидным следующий эффект: в рамках общих ограничений главы II государство по смыслу статьи 49 может принимать контрмеры в поддержку потерпевшего государства или независимо в случае серьезного нарушения. В ином случае такие государства ограничены ссылкой на ответственность по статье 49(2). В отличие от этого, по положениям бывшей статьи [40] любое государство могло принимать контрмеры в случае «международного преступления», нарушения прав человека или нарушения определенных коллективных обязательств, независимо от позиции любого другого государства, включая государство, прямо потерпевшее в результате нарушения.

71. Общее международное право по данному вопросу все еще находится в довольно зачаточном состоянии, однако этот факт имеет двойное значение¹⁰³. Некоторые правительства обеспокоены тенденцией «замораживания» права, в то время как оно находится в процессе развития. По мнению других правительств, в статье 54 поднимаются весьма спорные вопросы относительно баланса между обеспечением соблюдения права и вмешательством в той области, которая и без того уже является достаточно спорной. В связи с ней также вновь возникают вопросы о связи между мерами, предпринимаемыми отдельным государством, и коллективными мерами по Уставу или в рамках региональных соглашений.

72. Основной смысл замечаний правительств сводится к тому, что статья 54, и особенно пункт 2, не имеют основания в международном праве, а поэтому носили бы дестабилизирующий характер¹⁰⁴. Это подчеркивается как теми правительствами, которые в целом озабочены «субъективностью» и риском злоупотребления, свойственными принятию контрмер¹⁰⁵, так и теми, кто в большей степени поддерживает контрмеры в качестве инструмента разрешения споров относительно ответственности¹⁰⁶.

73. Выразив эту общую озабоченность, правительства, кроме того, призвали к установлению более ясной связи между статьей 54 и положениями главы VII Устава. Некоторые приводили доводы о том, что в ответ на нарушения обязательств перед сообществом следует принимать контрмеры через Организацию Объединенных Наций¹⁰⁷, или о том, что, по крайней мере, должна быть ссылка на решение Совета Безопасности¹⁰⁸. Имеется затруднение,

¹⁰³ Обзор практики, см. третий доклад, A/CN.4/507/Add.4, пункты 391–394.

¹⁰⁴ Например, Израиль, A/C.6/55/SR.15, пункт 25.

¹⁰⁵ Ботсвана, A/C.6/55/SR.15, пункт 63; Китай, A/C.6/55/SR.14, пункты 40 и 41; Куба, A/C.6/55/SR.18, пункт 59; Германия, A/C.6/55/SR.14, пункт 54; Япония, A/C.6/55/SR.14, пункт 67; Ливийская Арабская Джамахирия, A/C.6/55/SR.22, пункт 52. Другие правительства призвали дополнительно изучить эту проблему: например, Алжир, A/C.6/55/SR.18, пункт 5; Иордания, A/C.6/55/SR.18, пункт 17; Польша, A/C.6/55/R.18, пункт 48; также Республика Корея, в Комментариях и замечаниях... (A/CN.4/515).

¹⁰⁶ Например, Соединенное Королевство, A/C.6/55/SR.14, пункты 31 и 32.

¹⁰⁷ Например, Мексика, A/C.6/55/SR.20, пункты 35 и 36; Исламская Республика Иран, A/C.6/55/SR.15, пункт 17.

¹⁰⁸ Например, Камерун, A/C.6/55/SR.24, пункты 63 и 64; Греция, A/C.6/55/SR.17, пункт 85.

состоящее в том, что акция, предпринимаемая по Уставу, не подпадает под сферу охвата статей (см. статью 59), в то время как акция, должным образом предпринимая как акция участников региональных соглашений, охватывается либо статьей 20 (согласие), либо статьей 56 (*lex specialis*). Несомненно, представлялось бы возможным подчинить меры по статье 54 (2) мерам, должным образом предпринимаемым на основании главы VII Устава Организации Объединенных Наций, однако это не охватывало бы всей ситуации. В более общем плане представляется неясным, каким образом статьи (независимо от того, примут ли они форму договора) могли бы разрешить вопрос взаимодействия между индивидуальной и подлинно коллективной мерой. Это можно видеть из замечаний правительств, касающихся обязанности сотрудничать, изложенной в статье 54 (3). Правительства выразили сомнение относительно возможности ее реального эффекта, учитывая ее расплывчатость и общий характер. Некоторые призвали более эксплицитно сформулировать статью 54 (3)¹⁰⁹, а также уточнить взаимосвязь статьи 54 (2) и подпункта (с) статьи 42 (2)¹¹⁰. Вместе с тем на нормативном уровне представляется затруднительным определить, что еще можно сказать по этому поводу.

74. Есть еще одна трудность, которая связана с тем, что простое исключение статьи 54 будет подразумевать, что контрмеры могут быть приняты лишь потерпевшими государствами в узком их определении. Нынешние положения международного права, касающиеся мер, принимаемых в общих интересах, вне всякого сомнения, являются неопределенными. Однако, по мнению Специального докладчика, не может быть того, чтобы контрмеры в помощь соблюдения международного права ограничивались нарушениями, затрагивающими индивидуальные интересы мощных государств или их союзников¹¹¹. Обязательства перед международным сообществом или обязательства, принимаемые иным образом в коллективных интересах, не являются обязательствами «второго класса» в сравнении с обязательствами по двусторонним договорам. Хотя можно надеяться, что международные организации будут способны урегулировать гуманитарные или иные кризисы, которые зачастую возникают в результате серьезных нарушений международного права, государства не отказались от своих полномочий на индивидуальные действия. Таким образом, если статья 54 будет исключена, то будет существовать по крайней мере потребность в какой-то форме исключающего положения¹¹².

Статья 55

Прекращение контрмер

¹⁰⁹ Например, Австрия, A/C.6/55/SR.17, пункт 79; Чили, A/C.6/55/SR.17, пункт 48; Иордания, A/C.6/55/SR.18, пункт 17. Некоторые другие правительства поддержали гибкость пункта 3: например, Италия, A/C.6/55/SR.16, пункт 28.

¹¹⁰ Австрия, A/C.6/55/SR.17, пункты 77 и 78.

¹¹¹ Целый ряд правительств высказали мысль о том, что контрмеры могут приниматься государствами, определенными в статье 49, но лишь в целях обеспечения прекращения нарушения: например, Австрия, A/C.6/55/SR.17, пункт 76; Куба, A/C.6/55/SR.18, пункт 59; Польша, A/C.6/55/SR.18, пункт 48. Другие ограничили бы статью 54 случаями «Серьезных нарушений», определенных в статье 41: Коста-Рика, A/C.6/55/SR.17, пункт 63; Италия, A/C.6/55/SR.16, пункт 28; Российская Федерация, A/C.6/55/SR.18, пункт 51; Испания, A/C.6/55/SR.16, пункт 13.

¹¹² Идея, предложенная Соединенным Королевством: A/C.6/55/SR.14, пункт 32.

75. Как отмечалось, в целом статья 55 приветствовалась.

Общий вывод относительно главы II Части второй бис

76. Специальный докладчик считает, что для Комиссии вопросом общей политики является определение подходящего из имеющихся в отношении контрмер вариантов, изложенных в пункте 60 выше. Его личное мнение сводится к тому, что, хотя все еще существуют проблемы с формулировкой статей (особенно статьи 51), установленный в главе II важный баланс является разумным *de lege ferenda*. Что касается статьи 53, то наличие определенных минимальных процедурных стандартов по международному праву для принятия и поддержания контрмер едва ли можно отрицать, даже если статьи выходят за эти пределы ссылкой на «временные безотлагательные контрмеры». Относительно статьи 54 вряд ли можно спорить в свете практики последнего времени, что в распоряжении государств, определенных в статье 49, нет контрмер при любых обстоятельствах. Однако явный парадокс «односторонних коллективных мер» вызывает понятную озабоченность и, вполне возможно, что в настоящее время нет ничего более подходящего, чем исключаящее положение. В свете прений на пленарных заседаниях и выводов, сделанных относительно таких вопросов, как урегулирование споров и форма проекта статей, потребуется изучить возможности для выработки сбалансированного и общеприемлемого текста.
